

С. И. НИКОЛАЕВ

**ОРИГИНАЛЬНОСТЬ, ПОДРАЖАНИЕ И ПЛАГИАТ
В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XVIII ВЕКА
(Очерк проблематики)**

Русская литература XVIII в. пестрит упоминаниями о литературных «хищениях»: в сатирах и сатирических посланиях, комедиях и эпиграммах, критических статьях и книжных предисловиях или примечаниях, мемуарах и переписке рассеяно множество прямых указаний либо глухих намеков на литературные заимствования, а чаще всего просто кражу чужого произведения или его части. Иногда эти обвинения подкреплены доказательствами и сопоставлениями нескольких текстов, но зачастую носят голословный характер. Обилие таких обвинений и нападок вполне объяснимо: становление понятия «литературной собственности» приходится в истории русской литературы как раз на середину—вторую половину XVIII в. — время формирования конститутивных признаков писателя и литературного труда Нового времени. И тем не менее несколько обстоятельств не позволяют говорить о появлении в середине XVIII в. понятия плагиат в понимании, близком к нынешнему. Во-первых, о заимствованиях часто говорят не столько литературные недоброхоты и зоилы, сколько сами авторы о себе, причем не только говорят, но и приводят соответствующие фрагменты названного ими автора; во-вторых, разговор о кражах и похищениях чаще всего касается не только и не столько русской литературы, сколько литературы иностранной и связан в первую очередь с проблемой «подражания авторам»; в-третьих, известен целый ряд совершенно очевидных дословных заимствований одного русского автора из другого, на которые никто из современников не обращал внимания и никак их не порицал, например заимствования целых строк в переложениях псалмов.¹

¹ См.: *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // *Гуковский Г. А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 265—269.

Все эти обстоятельства позволяют полагать, что рассмотрение свидетельств о «похищениях» является лишь частью более общей проблемы оригинальности русской литературы XVIII в., и в частности отношения к чужому авторскому тексту, которое формировалось на протяжении всего столетия, причем формировалось преимущественно в атмосфере яростной полемики, а чаще всего скандала, доходящего порой до грубой перебранки. В этой статье речь пойдет об общих приемах обращения автора или переводчика с чужим текстом. В свое время большую работу заимствованиям русских писателей XVIII в. посвятил Н. С. Тихонравов,² однако его больше занимал традиционный для филологического исследования того времени вопрос об источниках, общих идеях и целях заимствования, тогда как вопросы литературной собственности (в XIX в. попавшей в ведение авторского права) в процессе заимствования его вовсе не интересовали.³ Поскольку обсуждаемый вопрос впервые был затронут в XVIII в. именно переводчиками, то и начать рассмотрение предпочтительнее с отношения русских литераторов к передаче иноязычного произведения на русский язык, причем речь пойдет не о принципах и приемах перевода (эта сторона вопроса изучалась неоднократно и весьма плодотворно),⁴ а об отношении к иноязычному тексту в рамках оппозиции «свое—чужое».

Уже в первом десятилетии XVIII в. Феофан Прокопович, объясняя трудности, с которыми он столкнулся при переводе политического трактата Д. Сааведры Фахардо «Изображение христианно-политического властелина», писал: «Аще же бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковать восхотел кто, не было бы то преводити, но свое новое нечто писа-

² См.: Тихонравов Н. С. О заимствованиях русских писателей // Тихонравов Н. С. Соч. М., 1898. Т. 3. Ч. 2. С. 290—357. В последнее время эта сторона проблемы подробно изучена в издании: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995—1996. Т. 1—2.

³ Например, Н. С. Тихонравов отмечает (с. 334, прим.), что Я. К. Грот в статье о Державине «приводит доказательства, что некоторые стихи его од взяты из некоторых русских стихотворений того времени. Это указание не важно, ибо в таких заимствованиях не высказывается характер Державинской поэзии».

⁴ См.: Левин Ю. Д. Об исторической эволюции принципов перевода. (К истории переводческой мысли в России) // Международные связи русской литературы. М.; Л., 1963. С. 5—63. См. также соответствующие разделы в кн.: История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Т. 1—2. Конкретные разборы приемов работы русских переводчиков и компиляторов с зарубежными источниками представлены в кн.: Рак В. Д. Русские периодические издания XVIII века: Источники. Состав. Приемы компиляции. СПб., 2001.

ти»⁵ Немного позднее, в 1718 г., Гавриил Бужинский в предисловии к переводу «Введения в историю европейскую» С Пуфендорфа сформулировал свое отношение к проблеме еще точнее «Преведоном же сию книгу, яко же от самого автора сложена есть, ничтоже премоенше, ничтоже приложивше или убавивше, да не таковая творяще, явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою (что есть грех против осмыя и десятыя заповеди Божия) себе прославляти и величати»⁶ Хотя переводческая концепция, сложившаяся в первой четверти столетия, имела довольно свободный характер и вовсе не была ориентирована на адекватное воспроизведение всех особенностей оригинала в полном объеме,⁷ из высказывания Феофана Прокоповича видно, что понятие литературной собственности не было ему чуждо, а Гавриил Бужинский уже прямо говорит о плагиате («чуждые труды () себе присвояти») и говорит о нем с нескрываемым осуждением

А Д Кантемир стал первым русским поэтом, который в своем оригинальном творчестве не только не скрывал своих образцов, но и с нарочитым прямотушием открывал читателю свою творческую лабораторию. Скрупулезно приводя в примечаниях многочисленные цитаты или параллели из древних и новых авторов на разных языках, он предлагал читателю самому сравнить его произведение с образцом и убедиться в том, что он не «обокрал древних творцов», что они «не голо преведены», а «имитованы». Указывая свои источники, а точнее образцы, Кантемир отводил тем самым возможные обвинения в плагиате, и, действительно, таких обвинений в его адрес никто из современников не выдвигал. Вводя в русскую литературу новый жанр стихотворной сатиры, Кантемир взял на вооружение давно выработанную и усвоенную европейской эстетикой теорию «подражания авторам»,⁸ которой была суждена долгая жизнь и в русской литературе, не завершившаяся в XVIII в., а продолжавшая быть актуальной и в эпоху романтизма, и даже в эпоху реализма. В одном из примечаний к четвертой сатире (ранней редакции) он очень точно и кратко сформулировал принцип своей «имитации» (т е подражания) «Боало подобную сатиру написал, которая в его сатирах есть числом

⁵ РНБ, Ф II 67, л 3 об — 4

⁶ Цит по кн *Пекарский П* Наука и литература в России при Петре Великом СПб, 1862 Т I С 330

⁷ См *Николаев С И* Литературная культура Петровской эпохи СПб, 1996 С 67—78

⁸ См *White H O* Plagiarism and Imitation during the English Renaissance Cambridge, 1935, *Otwinowska B* Imitacja // Problemy literatury staropolskiej Wrocław, 1973 Ser 1 S 381—458, *Fulinska A* Nasladowanie i tworczość renesansowe teorie imitacji, emulacji i przekładu Wrocław, 2000, Перевод и подражание в литературах Средних веков и Возрождения М, 2002

седьмая; из сей наш автор много имитовал, хотя большую часть от себя прибавил. Есть нечто в ней из Ювеналовой первой сатиры, только что слова все новые, хоть дело подобное».⁹ Таким образом, Кантемир предложил чрезвычайно плодотворный путь освоения и усвоения иноязычных литератур, который не лишил создаваемое произведение прав на оригинальность: подражание литературному авторитету с добавлением «от себя». Хотя «дело подобное», но все-таки «слова новые»; а это соотношение *res-verba* и отличает собственное произведение от «голового», но скрытого перевода и придает ему качество оригинальности.

Литературная практика Кантемира по освоению европейской поэзии, отмеченная всеми признаками «ученой поэзии» и оснащенная многочисленными примечаниями с соответствующими отсылками и приведенными иноязычными текстами, не могла, конечно, стать нормой для последующей русской поэзии уже хотя бы в силу своей сложности. Только как пародию этого метода можно привести стихотворение А. В. Храповицкого «Жизнь сельская. Кража из разных авторов» (1799), в примечаниях к которому самим автором приведены «Улики» — французские оригиналы с указанием их авторов.¹⁰ Подобное высвечивание структуры своего произведения вкупе с ироническим подзаголовком придает стихотворению отчасти шуточный характер в духе литературной игры. Но это стихотворение относится к самому концу XVIII в., когда литературная культура Нового времени уже сформировалась, тогда как современникам Кантемира, чуть позже него вступившим на литературную стезю, было не до литературной игры и не до создания ученого палимпсеста. Тредиаковский, Ломоносов и Сумароков, осознавая себя создателями новой русской литературы, также взяли на вооружение теорию «подражания авторам», но уже не затрундяли себя указаниями образцов, а потому тут же становились жертвами начитанности своих коллег по писательскому цеху, черпавших из того же самого источника.

Так, В. К. Тредиаковский не указал в первом издании «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (1734), что он подражал Н. Буало, хотя в приложенном к изданию «Рассуждении о оде вообще» он и упомянул оду Буало на взятие города Намюра. При переиздании «Рассуждения» в 1752 г. в составе своих «Сочинений и переводов» он добавил: «Признаваюсь необиновенно, сия самая ода подала мне весь план к сочинению моего о сдаче города Гданска; а много я в той взял и изображений, да и не весьма тщался, чтоб мою так отличить, дабы никто не знал».¹¹ Возможно,

⁹ *Кантемир А.* Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 514.

¹⁰ См.: А. В. Храповицкий (Из записок Н. В. Сушкова) // Раут. Исторический и литературный сборник. М., 1854. Кн. 3. С. 143—145.

¹¹ *Тредиаковский В. К.* Соч. СПб., 1849. Т. 1. С. 280.

что это позднее признание было вызвано тем, что эту оду мимоходом упомянул в своем «Письме» 1739 г. Ломоносов,¹² который заметил о «Мадригале» Третьяковского, вошедшем в первое издание «Краткого и нового способа к сложению российских стихов»: «Переведен из Марциала, только персон и речь переименованы» и далее привел соответствующий стих римского поэта с указанием, из какой именно книги.¹³

Попрекали современники и самого Ломоносова. Из стихотворной полемики середины XVIII в. в научной литературе особую известность получили два стиха:

Который Гинтера и многих обокрал,
И, мысли их писав, народ наш удивлял.¹⁴

Но более всего доставалось от соперников Сумарокову. Ломоносов, согласно анекдоту, кричал ему в запале: «Сам ты подлец, пьяница, неуч, под школой учился, сцены твои краденые!»¹⁵ Или писал о нем: «Перевел в свои трагедии из французских стихотворцев, что ни есть хорошее, кусками, с великим множеством неслучайных погрешностей в российском языке, и оные сшивал еще гаже своими мыслями»; «Российским Расином Александр Петрович по справедливости назван, за тем, что он его не токмо половину перевел в своих трагедиях по-русски, но и сам себя Расином называть не гнушается».¹⁶

Самым пристрастным читателем и критиком Сумарокова был несомненно Третьяковский. Полемике с Сумароковым о подражании и заимствованиях он посвятил целый ряд произведений, в том числе басню «Ворона, чванящаяся чужими перьями»:

Набрала Ворона перышек от прочих птиц;
Убралась та всеми с низу вверх без мастериц,
Величаться начала сею пестротою,
Презирая птичек всех в том перед собою.
Ласточка всех прежде перышко на ней свое
Усмотревши, тотчас вырвала, сказав: мое.
То увидели когда и другие птички,

¹² См.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 13; Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 66.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 2. С. 388. См.: История русской переводной художественной литературы. Т. 2. С. 105.

¹⁵ Литературные предания XVIII столетия. Сб. анекдотов о русских писателях XVIII века. Череповец, 1994. С. 19.

¹⁶ Цит. по кн.: Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени. С. 259, 135.

Щебетали по большой части те певички,
Начали Ворону сами также все клевать,
И свои природны перышка с нее срывать;
Так что наконец ее всю уж обнажили,
Чем всех обще и себя ею насмешили.¹⁷

В «Письме... от приятеля к приятелю» (1750) Третьяковский писал о том же гораздо подробнее: «Доносил уже я вам, государь мой, что нет почитай ничего в сочинениях Авторových (Сумарокова. — С. Н.), которое не было б чужое. Теперь тож самое подтверждаю. Язвительная его Комедия не его, да Голбергова, но токмо у Автора она на свой образец; Гамлет Шекеспиров, Эпистола о Стихотворстве и по плану, и по изображениям, но токмо сокращена, вся Боало-Депрова, а сего Автора вся ж Горациева, но токмо распространена. Что ж до сея трагедии Хорева, она вся на-все выбрана из многих Французских Трагедий как Корнелиевых, так Расиновых, и Волтеровых, хотя, впрочем, все ея существенное основание есть Расинова Федра. Читающии Французские трагедии могут сами сие сличить и видеть: мне ежели б сие делать, то б мое рассмотрение в пятеро увеличилось против Авторových сочинений.

Я токмо предложу одно здесь похищение из Волтеровой Трагедии, названнныя Метропа. Праведное солнце! Как же оно изгажено Авторovým переводом! Удивительно, учит Автор в Эпистоле о Русском языке как переводить, а сам ни шкиля, как говорят, не умеет. Не бесстыдное ль то тщеславие? Надобно поистинне железное иметь чело. Впрочем, говорит там Волтер:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est un opprobre, et la mort est un devoir.

Сие значит по словам: Когда все погибло и когда больше никакая нет надежды, то жизнь уже позор, а смерть должность. Но у Автора нашего в 4 действии в 7 явлении говорит сие презрядное похищенное место Оснельда следующим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Жизнь время, и одна она покой дает. {...}

Из сего одного примера можно всем выразуметь об Авторovém самом малом искусстве и заключить, а сие по самой чистой справедливости, равным образом и о всех его взятых местах из чужих сочинений. Еще мне вспало на ум некоторое из Хорева место, ко-

¹⁷ Третьяковский В. Соч. и переводы. СПб., 1752. Т. 1. С. 215.

торым Автор безмерно чванится, так что внес оное и в Комеди-ишку свою недостойную, а именно:

Карать противников и налагати дани

Признаваю, что разум сего стиха есть великолепен и горд. Но Авторов ли он? Сие и во Французском сочинении, из которого наш Автор похитил, есть подражание Виргилиеву из Энеиды кн. 6, стих 352

Parcere subiectis et debellare superbos

Впрочем, пускай не думает Господин Автор, что я не знаю всех его похищенных мест: я им при случае всем роспись по алфавиту могу сделать, а теперь довольствуюсь токмо легким показанием одного сего из Волтера: сие ж для того, дабы ведали, что Автор не имеет ни малого довольства сам в себе». ¹⁸

Из этой чрезмерно обширной цитаты хорошо видны представления середины XVIII в. о литературном «похищении» вообще. Если суммировать приведенные попреки и наветы (а их число можно значительно умножить), то разговор о «чужом» и «краденном» подразумевал в первую очередь заимствование идеи, плана или «изображений», ¹⁹ т. е. *res*, но не *verba* («многих *обокрал*, и *мысли* их писав»). И только во вторую очередь «похищение» могло иногда подразумевать и план выражения: «похищение (<..> изгажено Авторовым *переводом*». Однако при таком понимании «похищения» спорщики неизбежно попадали в замкнутый круг. С одной стороны, все они признавали необходимость «подражания авторам» и каждый из них следовал в своей практике этой теории, с другой — подражание и заимствование («похищение») порицались и были свидетельством того, «что Автор не имеет ни малого довольства сам в себе», т. е. спор шел об оригинальности художественного творчества и о приемлемых границах применения доктрины «подражания авторам» ²⁰

¹⁸ Сб материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в / Издал А Куник СПб, 1865 Ч 2 С 484—485, 486 Ср *Заборов П Р* Русская литература и Вольтер Л, 1978 С 17—18, *Левитт М* Пасквиль, полемика, критика «Письмо писанное от приятеля к приятелю» (1750) Третьяковско-го и проблема создания русской литературной критики // XVIII век СПб, 1999 Сб 21 С 63—72

¹⁹ Ср «Подражать значит брать или характер, или некоторую часть содержания, или нечто весьма малое и отделенное и так несколько заимствовать» (*Лукин В И*, *Ельчанинов Б Е* Соч и переводы СПб, 1868 С 115)

²⁰ Неизвестный автор «Эпистолы к творцу сатиры на петиметров» (1753) в примечании к стиху «Издатель коль слыть хочешь, — не тронь мысли чу-

На протяжении всего столетия обвиняемые в плагиате авторы в своих защитительных речах прибегали к одним и тем же аргументам. Наиболее полно они представлены в наследии Сумарокова, который на только что приведенный выпад Третьяковского ответил отдельной статьей, в которой, в частности, писал: «Хорев, говорит он, взят весь из Корнелия, Расина и Вольтера, а паче из Расиновой Федры. Это не правда, а что есть в ней подражания, а стихов пять-шесть есть и переводных, что я и укрывать не имел намерения для того что то ни мало не стыдно. Сам Расин, сей великий стихотворец и преславный трагик, в лучшие свои трагедии взял подражанием и переводом из Еврипида в Ифигению *** стихов, в Федру *** стихов, чего ему никто не поставит в слабость, да и ставить невозможно.

Гамлет мой, говорит он, не знаю от кого услышав, переведен с французской прозы аглинской Шекспировой трагедии, в чем он очень ошибся. Гамлет мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва-едва походит.

Эпистола моя о стихотворстве, говорит он, вся Боалова, а Боало взял из Горация. Нет: Боало взял не все из Горация, а я не все взял из Боало. Кто захочет мою эпистолу сличить с Боаловыми о стихотворстве правилами, тот ясно увидит, что я из Боало, может быть, не больше взял, сколько Боало взял из Горация, а что нечто из Боало взято, я в том и запереться никогда не хотел».²¹

Таким образом, Сумароков полемически заостренно защищал себя и теорию «подражания авторам» ссылками на опыт тех же самых авторов и на длительную европейскую традицию, тогда как роль отдельных переведенных мест (по Третьяковскому, «похищенных») им явно преуменьшалась; более того, он даже утверждал, что «укрывать не имел намерения» того обстоятельства, что «есть в ней подражания, а стихов пять-шесть есть и переводных», тем не менее ранее он этого не сделал.

Сходные и даже те же самые аргументы в свою защиту приводили во второй половине столетия и другие писатели. Во время развернувшейся полемики о допустимости приема «склонения на

жей» писал: «Я чаю, всяк из сего усмотреть может, понапрасну ли я его чужою мыслию упрекаю, в чем, уповаю, он и сам согласится, что то для человека, который сам творцом слыть тщится, весьма нехвально, хотя нам несколько и позволяется последовать таким, которых все в рассуждении особых достоинств почитают и которым мы подражаем для красоты вымыслов или по нужде (...) но точно чужое, как бы красно и всем приятно ни было, отнюдь своим назвать не только не позволительно, но весьма непристойно и позорно» (Поэты XVIII века. Т. 2. С. 380).

²¹ Сумароков. Стихотворения. Л., 1935. С. 363.

наши нравы»²² В И Лукин подробно остановился в том числе и на вопросе литературной собственности Его позиция достаточно проста «Заимствовать необходимо надлежит () а чужое присвоивать есть дело весьма непохвальное», «Комедия сия взята из театра господина Боасси () и я, не присвоивая себе чужих трудов, признаваюсь, что она не моя, а переделанная мною на наши нравы и обыкновения», « тогда бы всякому писцу стыдно было, если бы он, переделав, своим сочинением называл, а когда он признается, тогда ему краснеться не отчего»²³ При этом Лукин не преминул попенять другим писателям, «которые сами подобное дельвали и делают, с тою только разницею, что они не признаются, и подобно вороне, в басне описанной, чужими перьями украсившись, на некоторое время зрителей обольщают»²⁴ Отсылка к басне Тредиаковского не оставляет сомнений, что Лукин, безусловно, метил в Сумарокова

Подражания без указания источника, равно как и безуспешная борьба с ними, продолжались на протяжении всей второй половины столетия, о чем писали, например, М Д Чулков,²⁵ Д П Горчаков²⁶ или Н П Николев (в комедии «Самолюбивый стихотворец», 1775)²⁷ и многие другие Особо прославился на этом поприще «переимчивый» Я Б Княжнин, которому и досталось от критики больше всех В комедии И А Крылова «Проказники» (1787—1788) Княжнин выведен под именем Рифмокрада,²⁸ «который, выкрадывая лоскутки из французских и италианских авторов, выдает за свои сочинения» Крылов изобразил и его «творческий процесс»

²² См *Дерюгин А А* Содержание переводческого приема «склонение на наши (русские) нравы» // Изв АН Серия лит и яз 1995 Т 54 № 5 С 61—64, *Maellaro G Lo* «sklonenie na russkie нравы» nelle commedie di Vladimir Lukin // *Europa Orientalis* 1996 Vol 15 N 2 P 25—47, *Warda A* «Склонение на наши нравы» O jednym ze sposobow przekladu w Rosji w drugiej polowie XVIII wieku // *Slavica litteraria Festschrift für Gerhard Giesemann zum 65 Geburtstag Wiesbaden*, 2002 S 155—163

²³ *Лукин В И Ельчанинов Б Е* Соч и переводы С 82, 83

²⁴ Там же С 82

²⁵ Ср замечания М Д Чулкова «Они таскают из многих разных сочинений и, выдавая оные под своим именем, нимало не страшатся быть уличены в похищении чужого добра Многие иностранные писатели по смерти своей научились говорить по-русски, и не только что чисто говорят нашим языком, но и сочиняют на оном весьма похвальные издания Впрочем, имена своих никогда они не подписывают, но всегда видно, что позволяют подписываться другому, отчего ныне сделалася великая теснота на Парнассе» (Ирои-комическая поэма Л, 1933 С 715)

²⁶ См *Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в Л*, 1959 С 92

²⁷ См *Стихотворная комедия, комедия, комическая опера, водевилъ конца XVIII—начала XIX века Л*, 1990 Т 1 С 230

²⁸ См *Гуковский Г А* Заметки о Крылове 1 Крылов и Княжнин // XVIII век М, Л, 1940 Сб 2 С 142—154

«Рифмокрад (*один*). Сочинять стихи, а особенно трагедии, есть вещь довольно трудная. Для нее оставил я попечение о доме и жене, о детях и, кажется, с помощью Расина и прочих пишу не хуже других. Но, к несчастью, живу в такой век, когда французский язык сделался у нас употребителен, и всякий стих... (*Слуга вносит книгу*). Но вот и трагедии. Подай сюда... поди вон — (*Слуга выходит*). Вот отселе один стих, дай замечу. (*Развернув другую*). Отселе можно шесть... эти два стиха очень хороши. Ах! этот стих из „Аделаиды“: он делает украшение не только монологу, но и всей трагедии. Я им заключу... ну, кажется, он будет изряден. Хотя я наружно скромнен, но внутренне надобно отдать себе справедливость, что я великий автор. Вить вот и один монолог трудно набрать: каково же целую-то трагедию! ей-ей очень мудрено!»²⁹

Нет сомнений, что это очень пристрастная и чрезмерно утрированная картина. Но не менее очевидно, что именно так и воспринималась «переимчивость» в литературном сообществе. «Кражи» и «похищения» Княжнина, по Крылову, являются не подражаниями, а тривиальным плагиатом, т. е. он обличает его не в подражании *res*, а в похищении *verba*. В анонимно опубликованной статье «Покаяние, сочинителя Крадуна» Крылов развил эту идею и представил исповедь плагиатора, в котором можно угадать Княжнина, цинично признающего в краже всех своих сочинений.³⁰ Завершало исповедь признание: «Я должен сказать, хотя против моей воли, что и в сем покаянии нет ни одного моего слова, а все выкраденное».³¹

Таким образом, можно полагать, что к концу столетия в литературной среде выработалось мнение, согласно которому подражание вполне допустимо и даже необходимо как определенный этап становления национальной литературы,³² тогда как «похищение» или «кража» чужих слов и оборотов, пусть даже и в переводе на русский язык, недопустимы и подлежат осуждению. Впрочем, в эпоху предромантизма в литературе все настойчивее звучит призыв к оригинальному в творчестве, который в контексте

²⁹ Крылов И. А. Полн. собр. драматических соч. СПб., 2001. С. 212.

³⁰ См.: Зритель. 1792. Ч. 2, май. С. 64—84; Крылов И. А. Полн. собр. соч. М., 1945. Т. 1. С. 428—436. См. также некоторые материалы в «Почте духов». (Там же. С. 80, 170—174).

³¹ Зритель. 1792. Ч. 2, май. С. 83.

³² См., например: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им в след друг за другом. Иностранцы были умнее русских: и так надлежало от них заимствовать, учиться, пользоваться их опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? {...} Какой народ не перенимал у другого?» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника*. Л., 1984. С. 253).

обсуждаемой проблемы вполне выразил Г. Р. Державин в стихотворении «Суд о трагиках» (1800-е гг.):

Эхила видючи, Софокла, Еврипида,
Корнелий и Расин, Вольтер и Кребильон
С признаньем их покраж им сделали поклон;
Но сих дрожал Княжнин и Сумароков вида.
Богиня трагиков, подшед к ним величаво:
«Не бойтесь, — рекла, — друг друга вы, друзья;
Вы чувствовали все и рассуждали здраво.
Хоть лоскутки на вас чужие вижу я,
Но моего венца я никому не дам другому,
Как чувству собственну и гению прямому».³³

Так в самых общих чертах выглядит становление и развитие представлений о литературной собственности и отношения к чужому тексту при обращении русских литераторов XVIII в. к иностранной литературе. Многие названные черты сохраняли значение и в собственно русской литературе, существенная разница заключается в том, что при обращении к чужому тексту в рамках русской литературы проблема *verba* приобретает совсем иное звучание, поскольку взаимоотношения между авторами и текстами совершаются в рамках одного языка.

Отечественная литературная практика уже в конце XVII—начале XVIII в. выработала целый ряд признанных приемов такого обращения с чужим текстом в пределах одного естественного языка, и эти приемы носили по преимуществу ученический характер школьных упражнений при обучении стихотворному ремеслу. Образцы такого учебного перевода на восточнославянской почве впервые дал, кажется, Симеон Полоцкий, который перевел с польского языка на польский же цикл стихотворений польского поэта Миколая Кохановского (ок. 1533—1582), сначала изменив при переводе 13-сложник оригинала на 11-сложник, а затем сократив свой же перевод в три раза (с 48 до 16 строк).³⁴ Можно полагать,

³³ Державин Г. Р. Соч. Л., 1987. С. 272. Ср. также стихотворение И. И. Хемницера «На худых рифмачей»:

Они чужим пером лишь пишут,
Они чужим лишь духом дышут,
Чужой они глас повторяют,
Чужой их жар лишь нагревает,
Однако же и тот во льде их простывает,
И стужсю от них среди полдень несет.

(Хемницер И. И.

Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963. С. 233).

³⁴ См.: Николаев С. И. Миколай Кохановский в обработке Симеона Полоцкого // *Russica Romana*. 2000. Vol. 7. P. 11—22.

что Симеон Полоцкий выполнил эти переводы в учебных целях, но поскольку он не указал своего образца, то эти стихотворения печатаются в корпусе сочинений Симеона Полоцкого как его оригинальные произведения. Суть этого упражнения пояснил Феофан Прокопович в лекциях по поэтике (1705 г.), в частности, он рекомендовал своим слушателям для лучшего овладения поэтическим искусством «передать произведение какого-нибудь писателя другим размером (т. е. на том же языке. — С. Н.), или на другом языке, или выразить более подробно то, что у него дано кратко, или — наоборот».³⁵ В тех же лекциях сам Феофан три стиха Катулла перелагает сначала сапфической строфой, затем алкеевой, и наконец дается расширенный вариант этих строк размером подлинника (фалекиев одиннадцатисложник), но в 12 стихах.³⁶ Хотя эти приемы и носили учебный характер, очевидно, что для учеников Феофана они могли стать привычным способом обращения с чужим текстом. Надо полагать, что для значительной части русских литераторов XVIII в. эти приемы были понятны и знакомы.

О «подражании» русским авторам впервые в печати заявил Тредиаковский в своем «Кратком и новом способе к сложению российских стихов» (1735). А. Д. Кантемир (единственный упомянутый им русский писатель!) был назван Тредиаковским среди других «древних» и «новых» авторов как достойный образец для подражания. Это был шаг необыкновенной важности для новой русской литературы, поскольку именно с имени Кантемира на русском Парнасе начинается строительство отечественного пантеона «образцовых авторов», который к началу XIX в. приобрел завершенную и отточенную форму (ср. «Пантеон русских авторов» Н. М. Карамзина). И места Кантемира в нем никто никогда не оспаривал.

Призыв Тредиаковского был услышан — подражания Кантемиру возникли уже в первой половине столетия и продолжали появляться вплоть до начала XIX в. (ср. эпиграматику А. Е. Измайлова).³⁷ В 1740—1760-х гг. разными авторами были написаны три сатиры в подражание Кантемиру. В сатире «На состояние сего света. К Солнцу» подражание Кантемиру наиболее очевидно, поскольку она была включена в корпус его сочинений (так называемая «девятая сатира») и более столетия вводила в заблуждение исследователей творчества Кантемира.³⁸ Две другие сатиры,

³⁵ Феофан Прокопович. Соч. М.; Л., 1961. С. 353.

³⁶ Там же. С. 246, 356; Аверина Т. Б. Переложение Катулла в трактате Феофана Прокоповича «De arte poetica» // Очерки по исторической лексикологии русского языка. СПб., 1999. С. 83—88.

³⁷ См.: Благонамеренный. 1818. Ч. 4. № 12. С. 273.

³⁸ См.: Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 181—189.

опубликованные В. Н. Перетцом, «Сатира на скупого человека» и «*Descriptio Vaschi*», также подражают Кантемиру, а в первой есть и прямые из него заимствования. «Сатира на скупого человека» просто начинается немногими измененными двумя первыми стихами второй сатиры Кантемира:

Что так, друже, смутен стал, в знаках весь печали?
С брюхом отчего глаза так глубоко впали?³⁹

Пятый и шестой стихи этой сатиры также являются видоизменной цитатой пятого и шестого стихов той же сатиры Кантемира, ср.:

Как подьячей сух и худ в вотчинном приказе,
Сулена что пред судьей грозна смерть в указе.⁴⁰

Ср.:

Сух и худ, как подьячий в вотчинном приказе,
Когда казнь за взятки, смерть сулена в указе ⁴¹

В 1739 г. Стефан Витынский пишет в подражание раннему одическому творчеству Тредиаковского свой «Эпиникион, то есть Песнь победительную в честь и славу оружию ее императорского величества самодержицы всероссийския»,⁴² несколько позднее появляются ученики и подражатели у Ломоносова,⁴³ а затем и многочисленные последователи у Сумарокова. Таким образом, к середине века «подражание» отечественным авторам становится привычным, равно как и номинации «русский Гораций», «русский Мальгерб», «русский Расин», «русский Буало», «русский Ювенал». Эти номинации также обязаны своим появлением теории «подражания авторам», в результате уже во второй половине 1760-х гг. В. П. Петров был провозглашен «вторым Ломоносовым» Русская поэзия быстро прошла эту школу подражания,

³⁹ *Перетц В Н* Неизвестные подражатели кн А Д Кантемира // ИОРЯС 1928 Т 1 № 2 С 341 Ср у Кантемира «Что так смутен, друже мой? весь в знаках печали Бледен, очи все в слезах, темны, красны стали» (*Кантемир А* Собр стихотворений С 369)

⁴⁰ *Перетц В Н* Неизвестные подражатели кн А Д Кантемира С 341

⁴¹ *Кантемир А* Собрание стихотворений С 369

⁴² Сб материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в Ч 1 С 86, *Пекарский П* История имп Академии Наук в Петербурге СПб, 1873 Т 2 С 76

⁴³ *Карпова Е Е* И К Голеневский — поэт Ломоносовской школы середины XVIII века // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII—XIX веков Л, 1971 С 55—56

включая и подражание индивидуальному авторскому стилю. Благодарный материал, подтверждающий это, отыскивается в русских стихотворных пародиях середины XVIII в.: И. С. Барков превосходно пародировал Тредиаковского, Тредиаковский — Сумарокова (иногда вводя в заблуждение исследователей),⁴⁴ Сумароков — Ломоносова и т. п.,⁴⁵ при этом пародия могла включать в себя и цитаты из произведения пародируемого автора.⁴⁶

Подражания русским авторам не сводились только к подражанию *res*, в них довольно много и дословных либо несколько измененных заимствований *verba*. Ранее уже был приведен пример с никак не оговоренными заимствованиями из Кантемира в анонимной «Сатире на скупого человека». Подражая Ломоносову, И. К. Голеневский почти дословно повторял или немного парафразировал его излюбленные обороты.⁴⁷ Я. Б. Княжнин в трагедии «Ольга» переложил на наши нравы «Меропу» Вольтера, исполняя стихотворный перевод В. И. Майкова, при этом перенес в свою трагедию свыше 70 стихов из перевода Майкова.⁴⁸ В оде Державина «Бог» выявлены заимствования из Я. Б. Княжнина и В. И. Майкова.⁴⁹ Г. А. Гуковский привел в свое время ряд заимствований одним поэтом у другого целых строк в переложениях псалмов, в том числе заимствования Сумарокова из Ломоносова.⁵⁰ Еще в начале XIX в. Гавриил Пакатский в своем переложении Псалтыри сделал примечание к переложению 14-го псалма: «Сочинитель в преложении сего псалма держался более г. Ломоносова, переменяя только род стихов для сохранения единообразия».⁵¹ Число таких примеров можно умножить. Но самое поразительное, что против ожидания эти «похищения» как будто таковыми не считались и не вызывали особенных возмущений, судя по отсут-

⁴⁴ См.: Сумароков А. П. Драматические соч. Л., 1990. С. 467—469.

⁴⁵ См.: Русская стихотворная пародия. Л., 1960; Доброва Г. Р. Пародирование элементов стиля русских поэтических произведений XVIII—начала XIX в. // Функциональные и социальные разновидности русского литературного языка XVIII в. Л., 1984. С. 124—126.

⁴⁶ См., например: Ирои-комическая поэма. С. 250—251.

⁴⁷ См.: Карпова Е. Е. И. К. Голеневский — поэт Ломоносовской школы середины XVIII века. С. 55—56.

⁴⁸ См.: Могиланский А. П. «Ольга», трагедия Я. Б. Княжнина // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 499, 500—501; Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. С. 43. Л. И. Кулакова предположила обратное соотношение текстов Княжнина и Майкова, но приведенные ею аргументы не выглядят убедительно, см.: Княжнин Я. Б. Избр. произведения. М.; Л., 1961. С. 726.

⁴⁹ См.: Грот Я. К. «Фелица» и «Собеседник любителей российского слова» // Современник. 1845. № 12. С. 259—263.

⁵⁰ См.: Гуковский Г. А. К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы). С. 265—269.

⁵¹ Псалтирь в стихах {...} преложенная {...} священником Гавриилом Пакатским. СПб., 1818. С. 33.

ствию данных и особенно по сравнению со множеством попреков по поводу «похищений» из иностранной литературы. Одно из исключений — замечание Сумарокова в статье «Критика на оду» по поводу двух стихов Ломоносова:

Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

«Это взято из моих стихов точно, которые за три года прежде сей оды сделаны и которые так написаны о Петре ж Великом:

От начала перьва века,
Такового человека,
Не видало естество».⁵²

Здесь Сумароков чрезмерно пристрастен: рифма «человека—века» задолго до этого стала тривиальной и затасканной, да и сама идея высказывалась ранее. И. А. Крылов вложил в уста Крадуна признание, что он окрадывал не только иностранных, но и русских авторов (Ломоносова, Сумарокова, Майкова): «Первая ода была мною выкрадена из Ломоносова, я не устыдился брать целыми строфами, переставя передние стихи назад, а задние наперед, от чего смысл выходил новый, я то же самое делал и со строфами».⁵³ Этот отрывок хорошо раскрывает технику плагиата, но звучит чересчур памфлетно, к тому же он мог быть продиктован личными мотивами и неприязненным отношением Крылова к Княжнину, в которого он метил. Приходится признать, что во второй половине XVIII в. «похищение» чужих слов одним русским автором у другого еще не считалось чрезмерным профессиональным грехом, и эта проблема нуждается в отдельном детальном рассмотрении. Только в первом десятилетии XIX в. эта полемика приобретает вполне конкретные черты, и на журнальные страницы выносятся как обвинения в плагиате, так и оправдания авторов, заподозренных в присвоении чужого произведения.

Не считалось прегрешением и вмешательство в чужой авторский текст, его улучшение, т. е. редактирование. Третьяковский редактировал произведения Витынского⁵⁴ и Сумарокова. Рецензируя в октябре 1748 г. сумароковского «Гамлета», Третьяковский обнаружил «несколько неглатких и темных стихов», а потому «принял смелость вновь переделать и написать их на белых, в подлиннике рукописном, страницах карандашем. Ежели угодно

⁵² Сумароков. Стихотворения. С. 349.

⁵³ Зритель. 1792. Ч. 2, май. С. 74.

⁵⁴ См.: Сб. материалов для истории императорской Академии наук в XVIII в. Ч. 1. С. 86.

будет Автору, то для его они употребления пускай служат: но буде не понравятся, то в благонадежном дерзновении моем у него ж прошу прощения».⁵⁵ Екатерина II, наоборот, могла сама обратиться с просьбой «поправить» ее произведение.⁵⁶ Широко была распространена практика редактирования в державинском кругу, например, В. В. Капнист очень свободно редактировал стихи И. И. Хемницера, иногда почти полностью переписывая их.⁵⁷ Ода Державина «Успокоенное неверие» (1776) была, по словам Н. А. Львова, исправлена автором и его друзьями: самим Львовым, В. В. Капнистом, И. И. Дмитриевым и А. С. Хвостовым.⁵⁸ Правке подвергались и стихи покойных авторов: в 1760 г. в «Полезном увеселении» были опубликованы «с некоторою поправкою» стихи уже покойного И. В. Шишкина, И. С. Барков в 1762 г. издал произведения Кантемира, куда внес много мелких и крупных исправлений разного характера.⁵⁹ Подобная практика сохранялась до начала XIX в., число и этих примеров можно умножить.⁶⁰

Независимо от объема и характера правки отредактированный текст, разумеется, не менял своего автора. Сумароков внес свое и в эту область, придав редактированию откровенно полемический характер. В 1759 г. он опубликовал в «Трудолюбивой пчеле» «Стихи, сделанные из чужих русских стихов, на победу над прусаками 12 июля 1759», подписанные его инициалами «А. С.». Это оказалось полностью переработанное им небольшое стихотворение Ломоносова «На преславную победу, полученную российским войском над пруским в Силезии, 12 июля 1759 года».⁶¹ Своей редакцией Сумароков несомненно хотел продемонстрировать, как именно и каким стилем надо писать такие стихи. Примечательно, что никакие отклики Ломоносова на такое обращение с его текстом нам неизвестны. Точно таким же образом Сумароков переписал и исправил начало «Тилемахиды» Тредиаковского, введя в заблуждение исследователей, которые принимали этот от-

⁵⁵ Цит. по: *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов. М., 2001. С. 15.

⁵⁶ *Moracci G.* «Более труда нежели смеха». Письмо Екатерины II Льву Александровичу Нарышкину // *Russian Literature*. 2002. Vol. 52. N 1—3. P. 243—249.

⁵⁷ См.: *Хемницер И. И.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1963.

⁵⁸ См.: *Грот Я. К.* Державин // *Современник*. 1845. № 2. С. 178.

⁵⁹ См.: *Моисеева Г. Н.* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 года // *Русская литература*. 1967. № 2. С. 102—115.

⁶⁰ Стоит отметить, что подобная практика редактирования стихотворных текстов была известна уже русской силлабической поэзии XVII в., см.: *Сазонова Л. И.* Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный») // *Теория и история литературы*. Киев, 1985. С. 87—96.

⁶¹ См.: *Николаев С. И.* Неизвестное стихотворение Ломоносова и отклик на него Сумарокова // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 3—7.

рывок за его вполне самостоятельный перевод.⁶² Редактировал Сумароков и стихи менее известных авторов, которые потом были опубликованы под его инициалами или вошли в изданное Н. И. Новиковым собрание его сочинений.⁶³

Рассмотренные отношения русских писателей XVIII в. к чужому тексту как переводному, так и оригинальному позволяют сделать вывод, что проблема литературной собственности занимала их на всем протяжении столетия, неизменно являясь предметом полемики и литературных споров. Дают ли, однако, приведенные примеры основания говорить о появлении самого понятия «плагиат» в середине века?⁶⁴ Думается, что нет. Можно только утверждать, что проблема статуса авторского произведения была одной из составляющих формирующейся литературной культуры Нового времени. Для многих из приведенных примеров из русской литературной жизни можно подыскать аналогии в современной ей европейской литературе,⁶⁵ хотя есть и свои отличия. Важно другое: за литературными «похищениями» и полемической перебранкой стоит понимание литературного творчества самих участников литературного процесса.⁶⁶ Только изучив эти представления, можно будет сформулировать те эстетические и социологические концепции, которыми они руководствовались.

⁶² См.: Николаев С. И. А. П. Сумароков — переводчик с русского языка на русский // *Russian Literature*. 2002. Vol. 52. N 1—3. P. 141—149.

⁶³ См.: Гуревич М. М. Из несобранного литературного наследия А. П. Сумарокова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 392—395; Бокк Р. Г. Неизвестное стихотворение Ф. А. Козловского, приписываемое Сумарокову // Там же. С. 396—398.

⁶⁴ См. недавнее предложение в статье: Живов В. XVIII век в работах Г. А. Гуковского, не загубленных советским хроносом // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 27—28.

⁶⁵ См.: Нодье Ш. Вопросы литературной законности, о плагиате, присвоении чужих произведений, подлогах в книжном деле // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. М., 1989. Кн. 1. С. 78—224.

⁶⁶ Ср.: Успенский Б. А. Россия и Запад в XVIII веке // История продолжается: Изучение восемнадцатого века на пороге двадцать первого. М.; СПб., 2001. С. 377—378.